

(00:03:30) (Начало записи)

Женский голос: Сессия «Ситуация на Ближнем Востоке». На сцену приглашаются модератор – Каринэ Геворгян, российский политолог, востоковед. Участники. Владимир Аватков, российский тюрколог, политолог, специалист по международным и межнациональным отношениям, политик. Айман Ас-Сейед, ливанский предприниматель, эксперт по криптовалюте и искусственному интеллекту. Камиль Аскерханов, экономический аналитик, специалист теории управления. Леван Васадзе, предприниматель. Аббас Джума, журналист-международник. Абдулла Исса, поэт, первый секретарь посольства Государства Палестина, журналист, политолог.

(00:05:05)

Каринэ Геворгян: Здравствуйте, дорогие друзья, дамы и господа. Тема, как вы понимаете, острая. И, пользуясь своими привилегиями модератора, я хотела бы отметить следующее, хотя больше мне хочется послушать моих гостей. Тридцать лет глобализации а-ля Рах Americana. Международная торговля, акцент был сделан и перевес такой составляющей, как морская торговля. В какой-то степени мне было понятно, что когда-то маятник должен качнуться. И континентальные коммуникации приобретут особое значение.

Ближний Восток. Его касаются самые разные проекты, включая проект, в котором серьезно участвует Россия, «Север – Юг». И он всегда, вот этот регион, приобретает особое значение в будущем мироустройстве не только потому, что великий Примаков когда-то высказался, что это место – политическая кухня мира. Но вот если это дешифровать, то я думаю, что речь идет именно о том, что это очень серьезный коммуникационный регион. И роль его возрастает, то есть на самом деле горит Восток зарею новой (Александр Сергеевич Пушкин, «Полтава»). И несмотря на остроту процессов, несмотря на эпизод чудовищный с обстрелом израильскими F-35 иранского консульства в Дамаске, всех этих очень острых событий, тем не менее мы попробуем сделать, вот я просила своих гостей сделать сверхусилие, попробовать заглянуть за горизонт, когда, скажем, проекты по урегулированию тех или иных кризисов, вооруженных противостояний, минимизации опасных дестабилизирующих элементов, несистемных, таких как радикалы и прочее. Вот что за этим горизонтом.

И еще одна маленькая деталь. Господин Васадзе и господин Аскерханов будут касаться в немалой степени региона, которая теперь по стандартам немецкой научной школы называется Южным Кавказом, а в русской традиции – Закавказье. И, несомненно, этот регион связан с регионом Ближнего и Среднего Востока, поэтому процессы, которые идут на Ближнем и Среднем Востоке, не могут не отражаться на Южном Кавказе.

Далее, Турецкая Республика, как вы понимаете, не принадлежит к Ближнему и Среднему Востоку, но тем не менее, опять же, это один из важнейших игроков со своими проектами, касающимися и Центральной Азии, и того самого Ближнего и Среднего Востока. Поэтому, я надеюсь, коллега Аватков извинился, и он опаздывает, он придет, и я надеюсь, что он тоже выступит относительно перспектив.

Теперь я в некоторой растерянности и думаю, кому бы мне предоставить слово, и полагаю, что, наверное, сейчас я предоставлю слово Аббасу.

Аббас Джума: Спасибо огромное, Карина Александровна, спасибо за приглашение, спасибо всем, кто пришел послушать. Я сегодня буду говорить о самом сложном конфликте, который справедливо будет называть бойней в Секторе Газа, но в контексте более масштабного противостояния. Противостояние цивилизаций и противостояния, в результате которого, я уверен, родится что-то принципиально новое. Дело в том, что я рассматриваю эти события как звенья одной цепи. Может быть, мои коллеги со мной не согласятся, события, я имею в виду, и специальную военную операцию, и ситуацию на Ближнем Востоке, и, например, деградацию Западной Европы, промышленную деградацию, политическую, дипломатическую.

(00:10:21)

Все это ведет к изменению мироустройства, к изменению мировой политической системы, к переориентации ее на страны глобального юга, на страны угнетенные, на страны, у которых накопилось слишком много обид, и они готовы сегодня эти обиды артикулировать и предъявлять тем, кто еще вчера был хозяином положения.

Вот мы, например, наблюдаем сейчас за реакцией Индии. Я прошу прощения, что так отступаю сразу. На сегодняшний день Индия демонстрирует справедливость моего вывода, когда на уровне министра иностранных дел господина Джайшанкара произносится, на мой взгляд, сакраментальное: «Мы вас слишком долго терпели». Это не цитата, но вот примерно так он говорил, когда пытался объяснить позицию Дели по российско-украинскому конфликту и по закупкам нефти со скидкой. И с дальнейшей, как вы знаете, перепродажи этой нефти тем же европейцам. «Мы вас слишком долго терпели, мы слишком долго были в положении полурабском», когда Британия расхищала, устраивала геноциды».

На сегодняшний день они меняют символику, они пытаются абстрагироваться максимально от этого колониального прошлого, что, собственно, происходит, например, в Африке, где все меньше и меньше места достается нашим французским коллегам, что не может последних не беспокоить.

Но, возвращаясь к событиям на Ближнем Востоке. Действительно, ранее произошел вопиющий, я бы сказал, поворотный момент в этой кровавой истории. Главный возмутитель спокойствия сегодня, главный такой трикстер – Израиль – решил подвинуть красные линии и нанес удар по дипломатическому объекту Исламской Республики Иран в сирийской столице Дамаск. То, что они преследовали генерала Захиди, там было даже два генерала, целый ряд офицеров Корпуса стражей исламской революции – это не сенсация. Они постоянно ведут охоту на всех, кто имеет отношение к работе иранских спецслужб, иранской армии, Корпуса стражей исламской революции. Но тут действительно удар был нанесен – это беспрецедентная такая наглость, – по территории Исламской Республики, потому что это территория дипмиссии Ирана. И в этом смысле, конечно, выпад Израиля можно рассматривать как *casus belli*. Сегодня мяч на стороне Исламской Республики.

Почему Израиль на это пошел, у меня есть ответ. Я не знаю, прав я или нет, но все-таки, мне кажется, это единственно правильный ответ. Не добившись ничего за более чем полгода бойни в Секторе Газа, кроме как разрушений и смерти тысяч невинных людей, среди которых тысячи детей, и сегодня уже и Всемирный Банк, и ООН оценили разрушение инфраструктуры Сектора Газа в 18,5 миллиардов долларов. У меня большой вопрос: а кто будет заниматься восстановлением? Вот, например, Россия взяла на себя ответственность восстанавливать новые территории, скажем, Мариуполь. Возьмет ли на себя аналогичную ответственность Израиль? Большой вопрос, он остается открытым.

Так вот, никаких реальных результатов Израиль показать не смог. И тем самым, господин Нетаньяху и его команда загнали себя в угол примерно так же, как загнали себя в угол украинские руководители, господин Зеленский и его команда, заведомо обозначив нереальные, недостижимые цели. Если в случае с Киевом это границы 1991 года, то в случае с господином Нетаньяху и его ультраправой шайки, которую сейчас возглавляет Израиль, это полное разрушение, так сказать, ХАМАС, инфраструктуры ХАМАС. А что есть ХАМАС? Как можно уничтожить людей, которые, в общем, голосуют за ХАМАС? Ведь они в Секторе Газа пришли к власти абсолютно демократическим путем.

То есть мы видим, что в корне проблем абсолютное непонимание людьми своего противника. Сейчас все, что делает Израиль, это закладывает бомбу замедленного действия под будущее поколение израильского народа, потому что все те обездоленные, все те сироты, люди лишившиеся кровли над головой, своих детей, – это все потенциальные бойцы ХАМАС, которые через энное количество лет придут к тому, что спланируют и осуществят очередное 7 октября.

(00:15:29)

И это замкнутый кровавый круг, из которого сегодня Израиль не желает выходить. Поэтому, чтобы удержаться на своих местах, господин Нетаньяху его ультраправое правительство решили дотянуть до второго пришествия Трампа. Именно так я сейчас объясняю их провокационные действия и нежелание идти на переговорный процесс. Они считают, что, спровоцировав Иран на ответ, они тем самым ввяжут в войну своего главного экзистенциального союзника – США. При этом расчет на то, что иранцы не посмеют осуществить удар по ядерной инфраструктуре Израиля, хотя несколько лет назад Иран отрабатывал подобные учения. Я напому, что были смоделированы удары по Димоне, по ядерному реактору с помощью, если мне память не изменяет, шестнадцати баллистических ракет и дронов.

Повторяю, расчет такой, оправдается он или нет, посмотрим. Мяч на стороне Ирана. Сегодня Иран и сопротивление – это единственная сторона конфликта, которая может поставить точку в этой кровавой истории. Спасибо.

Каринэ Геворгян: Спасибо, Аббас. У меня маленькое такое примечание как у ираниста. Я считаю, иранское руководство, это политическая традиция этой страны, гиперрациональным. Кроме всего прочего, единственная, пожалуй, я не знаю, как это обозначить, слабость или недостаток вооруженных сил Ирана – это отсутствие боевой

авиации. Поэтому боевая авиация к лету у Ирана будет, летчики обучаются на самолетах наших СУ-35. И тогда, я думаю, будут готовы ответы. Вряд ли они будут линейными.

У меня есть еще одно соображение, что идти на нарушение Венской конвенции о дипломатических ведомствах Иран не будет. Это не в стиле Ирана – нарушать конвенции, которые он когда-то подписывал. Это очень важно, кстати. Мало кто на это обращает внимание. Они законники. И несмотря ни на что, нарушение международного... Во всяком случае, сколько бы ни обвиняли Иран, если вы помните, за руку не ловили.

Аббас Джума: Отвечу на эту ремарку, абсолютно справедливую. Ирану и не нужно, в отличие от Израиля, нарушать никаких международных договоров, законов. Иран много десятилетий занимается воспитанием своих прокси в регионе, которые достаточно активны. Кому интересно, вчера вышла большая статья в Russia Today моя на английском языке, где я самым подробным образом расписал все эти прокси, их историю, цели, возможности и так далее, интересы. Кому интересно понимать, каково влияние Исламской Республики в регионе, без необходимости напрямую входить в конфронтацию, пожалуйста, ознакомьтесь с моей статьей, вам будет очень и очень интересно.

Каринэ Геворгян: Давайте для того, чтобы просто продолжить тему, я поставила очень непростую задачу перед господином Иссой, который представляет Палестину. Вот что за горизонтом? Я так сформулировала. Хорошо, война, война, война, боевые действия, трагедия, трагедия, трагедия. Уже как бы это все превращается в какую-то статистику, понимаете? Хотя понятно, что это кровь, это живые люди, это ужас, ужас. Но тем не менее, передаю вам слово и прошу вас как раз коснуться этой темы. Что за горизонтом? Если поставлена задача создания Палестинского государства, каким оно видится? Унитарным, федеративным, учитывая сложности внутripалестинских отношений. Давайте не будем закрывать на это тоже глаза. Хорошо? Спасибо.

Абдулла Исса: Добрый день. Спасибо огромное за приглашение участвовать в этом большом событии.

(00:20:15)

Большое событие. Московский форум. Спасибо огромное, что вы пришли послушать нас. Спасибо России, руководству и народам за постоянную поддержку палестинского народа. Начинаю с того, что позиция России очень ясная. Это говорит о том, что этот вопрос, эту проблему давно уже не могло мировое сообщество решать, поэтому надо решать быстрее на основе принципа двух государств. То есть создание Палестинского независимого государства на оккупированной территории в 1967 году со столицей Восточный Иерусалим. Здесь мы видим, хотя вы прекрасно знаете, что происходит в Газе, это преступление, это уничтожение, это закрытые все возможности израильтянам решить этот вопрос политическим путем, но все-таки мы настаиваем на том, чтобы этот вопрос был решен дипломатическим, политическим путем, именно на основе резолюции ООН, которое подтверждает создание Палестинского государства.

Палестинское государство должно было создаваться в 1948 году, вы прекрасно знаете. В резолюции ООН о создании двух государств был признан Израиль при условии, что оно

будет создавать Палестинское государство. Но до сих пор, к сожалению, Палестинское государство не создано. Поэтому, мне кажется, и все в мире верят в то, что никогда не будет стабильности, и мир на Ближнем Востоке не решает палестинский вопрос справедливо. Мы идем в будущее, мы смотрим в будущее, но, к сожалению, не понимают израильтяне, что они без нас в будущее не могут идти, если мы не получили мир, безопасность и, в частности, Израиль не будет обеспечен. Они все сделали, чтобы обеспечивать свою безопасность. Разделительная стена, Западный берег Иордана и в Иерусалиме сколько постов. Я в прошлом году был в Палестине, на Западном берегу Иордана вообще невозможно без постов. Невозможно.

Можете представить дорогу христиан из Иерусалима или мусульман в мечеть Аль-Акса (00:23:05) примерно которая занимает 10 минут, уже из-за постов 2-3 часа люди теряют. И кроме других кровавых действий, мне кажется, что без решения этого вопроса на основе резолюции ООН не может в самом деле этот мир существовать на Ближнем Востоке. Мы призываем и наш президент тщательно, давно уже призывал к созданию международной конференции. И мы говорили, что эта пресс-конференция должна быть обеспечена резолюцией ООН и на основе принципа двух государств. Россия поддерживает, очень многие страны поддерживают. И в этом контексте тоже спасибо тем странам, в частности, Южной Африке и латиноамериканским странам, которые поддерживали нас и не только поддерживали, но и начали действовать, чтобы именно это кровавое действие уже прекратилось. И на самом деле уже создано на днях правительство в Палестине, независимое правительство, задача которого обеспечивать экономическую безопасность и решить этот вопрос, работать над прекращением огня и восстановить Сектор Газа. Все в Секторе Газа говорят, что невозможно почти там жить.

Еще мы до сих пор понимаем, что президент Путин призывал к встрече и президента, и премьер-министра Израиля, но сразу наш президент согласился и до сих пор Нетаньяху не отвечает. Мы понимаем, что сложности в мире многие, но мне кажется, что вопрос Газа заставляет нас думать.

(00:25:16)

Мы, палестинцы, на самом деле защищаем ценности, как и многие государства. Мы защищаем ценности мировые, то есть это земля святая и мы будем поднимать на самый последний самый высокий крест и защищать общечеловеческие ценности. Это мир, это жить вместе, это любовь. И это наша задача. Тем более, американцы пытаются сказать, что мир идет к (неразборчиво), на самом деле мир идет к ценности. Мы с вами, кажется, должны именно сделать все, чтобы господствовал мир на Ближнем Востоке, именно как мы сказали.

Мы понимаем, что израильтяне никогда не обеспечивают, не выполняют резолюции ООН. Вы прекрасно знаете, больше 80 резолюций Израиль никогда не выполнял. Как будто Израиль выше, чем закон и не принадлежит никакому закону. Все-таки и народы Ближнего Востока понимают это. Без разрушения этого вопроса никогда не будет стабильности и мира, и особенно Израиль не будет обеспечивать свою безопасность. Поэтому мы настаиваем, чтобы этот вопрос был решен на основе двух государств, то есть создание

Палестинского государства на оккупированной территории с 1967 года со столицей Восточным Иерусалимом. И мы предупредили, чтобы этот вопрос не превратился в религиозный. Тогда будет на самом деле открыта дверь в ад, чего мы не хотим. Спасибо огромное.

Каринэ Геворгян: Спасибо. Знаете, у меня такой прозаический, такой земной вопрос. А вот на территории Газа существовали предприятия, правда? Они как-то функционировали. Скажите, пожалуйста, тот же бизнес в Секторе Газа, где страховал это? И страховал ли вообще?

Абдулла Исса: Знаете, мы под оккупацией, то есть даже все, что касается экономических процессов, то есть это через Израиль. Особенно кстати, блокада Газа, это уже сколько лет идет, и мне кажется, то, что мы видели 7 октября, это тоже результат. Израильцы тоже получают палестинские деньги, то есть эта что собирается от таможи и другие, то есть они растут всегда как вид давления на палестинцев и палестинское руководство. Поэтому при оккупации, под оккупацией никаких гарантий нет. Посмотрите, все, в любое время израильцы нарушают и не обращают внимания ни на международные сообщества, ни на резолюции ООН. Они, на самом деле, к сожалению, такие кровавые политики, такие действия. И Газа вообще не способна жить, нет домов, чтобы народ жил. Уже говорили специалисты, что больше тридцати лет невозможно чтобы земля была способна к жизни. Какие гарантии? Абсолютно нет гарантий для обеспечения церквей, религиозные...

Каринэ Геворгян: Я поняла. То есть одновременно с урегулированием, скажем, и созданием государства речь пойдет о трансформации управленческих структур. Я правильно понимаю? В Палестинском государстве. Потому что нынешние управленческие структуры отвечали вызовам времени, верно? Значит, определенные трансформации, как я понимаю, должны уже просматриваться. И где будут обучаться эти управленческие кадры? Если можно, кратко ответьте мне, пожалуйста.

Абдулла Исса: У нас очень хорошие кадры. Всегда палестинцы отличаются на Ближнем Востоке тем, что они талантливый народ, и всегда есть хорошие специалисты. В частности, те, которые закончили из России, они занимают большие должности. И, в частности, новое правительство – на самом деле это правительство-технократ. У него задача именно в это время, как я уже сказал. Поэтому очень хорошие специалисты у нас. И, мне кажется, мы можем продолжать давать человечеству очень многое.

(00:30:37)

Потому что, к сожалению, до оккупации в 1948 году, кризиса еще в 1917 году, с момента когда Бальфур заявил о своей декларации, уже остановило процесс возможностей, чтобы палестинцы могли развиваться, они могли отдать все человечеству, потому что исторически мы очень много отдали человечеству. И мы часть человеческой семьи, в частности, беженцы. Я сам беженец, родился в Дамаске, в Сирии. Я видел, что это означает, жизнь беженца. Я являюсь и очень многие у нас и в области культуры, и в области науки. И у нас, кстати, дети в Газе, всегда они получали первое место в мировых каких-то, не всегда, а часто, в мировых каких-то конкурсах. Поэтому мы верим в то, что всегда будем развиваться.

И мы хотим создавать мир, чтобы наши дети и наше будущее создавали новый горизонт не только для палестинцев, но и для Ближнего Востока, и для мира в основном. Спасибо.

Каринэ Геворгян: Спасибо. Сейчас я передам слово коллеге Аваткову. Куда же без Турции, Владимир Алексеевич? «Мир больше пяти».

Владимир Аватков: Коллеги, добрый день. В первую очередь, я бы хотел, конечно, поблагодарить организаторов и, конечно, Каринэ Александровну за приглашение принять участие в этом мероприятии. Я постараюсь максимально коротко, за эти 7 минут, которые у меня есть, доложить все то, что возможно.

Во-первых, мировая политика переживает кризис. Этот кризис выражается в разрыве связей, в разломе связей между государствами. И в том, что система, если угодно, находится на стадии перерождения. Перерождение системы – это всегда войны, конфликты. Так было всегда на протяжении истории. Это то, что есть сейчас. Соединенные Штаты хотят, чтобы весь мир горел, чтобы эти связи разрушались, потому что они считают, что только так можно удержать свою собственную гегемонию. Соответственно, Россия, в отличие от Соединенных Штатов, исходит из того, что необходимо развивать связи, связи между элементами. Именно поэтому Россия предлагала на Ближнем Востоке формирование инклюзивной системы безопасности.

Что касается наших турецких коллег, в Турции вчера прошли муниципальные выборы, уже не вчера, а позавчера. Время летит быстро. 35 муниципалитетов у нас за оппозицией. 24 муниципалитета за правящей «Партией справедливости и развития». Интересно, что третье место занимает по количеству муниципалитетов партия Yeniden Refah. Это партия нового благоденствия во главе с Эрбаканом.

Конечно, правящая элита во главе с Эрдоганом охарактеризовала это как победу демократии турецкой. Но очевидно, что это определенного рода поражение правящей элиты, которое связано с тем, что происходит в экономике. То есть это не связано с внешнеполитическим курсом, это связано с курсом экономическим. И это очень важно. Но для нас важно как раз другое. То, что оппозиция скорее исходит из необходимости взаимодействия с Западом. И разрушения тех связей, которые были с Россией, выстраивались очень тяжело на протяжении всего этого времени.

Я не буду говорить, что значение Турции в мире повышается. Это бесспорно так. Концепция Эрдогана, о которой Каринэ Александровна сказала, это мир больше пяти. Больше пяти членов Совета Безопасности ООН. Соответственно, есть два таких синдрома, которые Турция обладает: это синдром имперскости, стремление к распространению, и синдром ущемленности системы международных отношений. То есть Турция считает, что она могла бы больше относиться на систему. И предлагает реформировать ни много ни мало Совет Безопасности ООН.

Три ключевых изма, как я говорю, три ключевых направления современной внешней политики Турции. Это отнюдь не Запад. Это пост-османское пространство. Турция считает себя лидером этого пространства.

(00:35:26)

Это исламский мир, где Турция тоже почему-то решила, что она лидер. И третье пространство – это туркоцентричное пространство, тюркский мир, где Турция тоже пытается убедить всех тюрков, что она является главной в этом самом тюркском мире, хотя очевидно, что это не совсем так.

Каринэ Геворгян: Простите, а «Мави Ватан» там куда девать?

Владимир Аватков: Это концептуальная такая доктрина. Голубая Родина. Доктрина Гюрдениза. Формально она нигде не принята. Но де-факто она существует. И скорее всего и де-юре тоже. Просто мы об этом не знаем. Голубая Родина это идея о выходе для тюрков, что Турция является таким хабом выхода к морям. И здесь очень важное слово хаб. Турция – хаб. Она позиционируется в качестве хаба – центра, через который проходят торговые пути север-юг.

Я бы выделил несколько основных трендов, которые, мне кажется, заслуживают внимания в связи с Турцией на фоне всего, что происходит. Первое – это разрастание социально-политического кризиса. В Турции это очень ярко было видно на выборах. Этот кризис есть. И вот за последние два дня несколько городов турецких охватили беспорядки, в первую очередь связанные с курдским фактором. Есть поджоги, погромы. И этот кризис копился длительное время. И связан он не только с этно-религиозным фактором. Он связан также и с экономическим фактором. В Турции действительно серьезное обнищание населения. Потому что инфляция за последние годы бьет все возможные рекорды.

И собственно, второй тренд связан с этим. Это ухудшение экономического положения. А если экономическое положение населения ухудшается, то это рост протестной активности.

Соединенным Штатам нужна Турция в качестве подчиненного игрока или Турция как часть дуги нестабильности и хаоса. И то и другое будет способствовать, с точки зрения американцев, подрыву интересов России на Южном Кавказе, на Ближнем Востоке и в целом на постсоветском пространстве, на постсоветском Востоке.

Нужно чего добиться? Какие риски есть в связи с этим? Нужно разорвать имеющиеся связи России и Турции. Нужно столкнуть нас в тех конфликтах, которые свойственны исторически нам. Это Южный Кавказ в первую очередь. Там, как известно, Франция всеми силами оттягивает от России Армению, а Турция – Азербайджан. Если абстрагироваться от интересов Франции и Турции, по сути, мы видим усиление НАТО на Южном Кавказе. То есть и то и другое способствует политике Соединенных Штатов.

Тревожная тенденция. За последние два месяца резко возросла дипломатическая активность, дипломатический трек по линии Турция – США, Турция – Великобритания. И США, и Великобритания хотят вернуть Турцию к классической игре. Соответственно, вот эти вот связи, если они сейчас возобладают, то есть большие риски, связанные с развитием российско-турецких отношений. Нам сейчас на фоне всего, что происходит в мировой политике, принципиально важно сохранить те отношения и отсрочить конфликтный потенциал, который существует, никуда не делся и вряд ли может с такой политико-философской точки зрения деться в российско-турецких отношениях. Спасибо.

Каринэ Геворгян: Спасибо вам большое. Тут у меня каверзные вопросы. Турецкая республика пролиферирует по самым разным направлениям. Можно это наблюдать. Некоторые вы обозначили. Кроме всего прочего, это Ирак, где ныне проводится операция против курдов. Давайте вещи своими именами называть. Потому что вряд ли они там с воздухом разбираются где РПК, а где не РПК. Я была в этих регионах, Ирак я, в общем, более-менее себя представляю. Там горы, кроме всего прочего. Ну ладно, это первое.

Второе. Мало кто обращает внимание. А ведь база, которая будет создаваться, и решение об этом уже принято, в Румынии. Эрдоган, вы знаете, я всегда о нем отзываюсь с уважением и с большим. Но в данном случае он вполне выторговал для Турции 200-тысячный контингент в Румынии на этой базе рядом с Констанцией. То есть она уже строится. Он получил преференции в плане производства вооружений самых разных.

(00:40:27)

И 155 миллиметров и так далее. То есть там целый список. Он огромен. То есть он уже получил практически аванс за военные заказы. Поскольку самим Соединенным Штатам и Европе вооружения не хватает, просто нечем особо будет стрелять. Как раз показала, что у нас есть такая возможность. Тем более что Россия поставила атомную станцию «Аккую». И Турции может хватить энергогенерации для того, чтобы запустить именно на полную мощность военно-промышленный комплекс. И тогда все будут кланяться в ножки, как я понимаю.

Далее Сирия. Мы видим это направление. Интерес к Левиафану и к газовым месторождениям, поэтому я считаю «Мави Ватан» (00:41:16) совсем не бумажным таким проектом.

Вопрос. Вы сказали, что нам нужно, и я согласна с этим, тормозить этот процесс по ряду оперативно-тактических оснований. А вот у меня такое впечатление складывается, что и Вашингтон, и Лондон Анкару будут торопить. И действия эти для нас могут оказаться по разным направлениям, – я еще раз подчеркиваю, это могут быть самые разные точки, в том числе не будем забывать, что у нас есть база все-таки в Сирии, – они могут оказаться критичными. Просто количество может перейти в качество. А уж, насколько я понимаю, контингента вооруженного в Турции хватит. И для того чтобы платить жалования военным тоже.

Владимир Аватков: Да, Каринэ Александровна, конечно, подняла такой большой пласт вопросов, которые еще минут мне на 20 бы. Но нет. Поэтому я постараюсь максимально коротко. Во-первых, Турция, конечно, называется мировой державой. Но у нее недостаточно для этого ресурсов. Да, мы своей, в том числе, политикой увеличиваем эту возможность Анкары. То, что было сказано по поводу атомной станции, и так далее. Но все равно этого недостаточно. Турецкая экономика надрывается, в том числе, потому, что турецкие войска находятся в Сирии. Входят в Ирак, как к себе домой. И база в Катаре есть. И, скажем так, в Ливии. Да и Африка в целом. Здесь достаточно все непросто в плане соотношения экономики и военной составляющей. Но, действительно, я полностью согласен, что Соединенные Штаты будут всячески торопить Анкару. И именно поэтому сейчас увеличился этот дипломатический трек. Потому что Соединенным Штатам нужно

быстрее. У них не получается. Экономически не получалось, военным путем, вот сейчас террористический путь. Но не получается. Нужно торопить. Время идет. И давление на Турцию оказывается колоссальное.

Но вопрос, как она справится с этим давлением, это очень серьезный вопрос. Эрдоган же сказал, что будет строить новую Турцию. Новая Турция – это, собственно, аллюзия к Ататюрку, который избавлялся от влияния Запада на своей территории на определенном этапе. Вот и Эрдоган избавляется, просто другими методами. Вероятно, что у него хватит ресурсов, и возможности его тают с каждым днем. Поэтому здесь надежд особых испытывать я бы не стал.

Что касается того, с чем столкнулись европейцы, нечем стрелять, все закончилось. А Турция, как всегда, говорит: «А вот у нас есть». И, собственно, у Турции действительно есть. У нас с собой было. Турецкая республика сделала большой рывок в плане вооружений. Готова их предложить. Это формат заработка. Формат как раз улучшения экономического положения. Например, «Байрактаров» пресловутых. Это БМП, БТР. Это, допустим, *kirpi* (еж). Это стрелковое оружие в огромном количестве. Это даже баллистические ракеты. И многое другое, что Турции удалось разработать. О качестве можно долго разговаривать. Но важно, что удалось это разработать. И, соответственно, но, что очень важно, это может поставляться в том числе и в Европу.

(00:45:01)

Если угодно, Турция хочет конкурировать с Соединенными Штатами за раздел Европы. И бизнес. Очень многие из Германии, как известно, переехали в Штаты. Но многие переехали и в Турцию.

Каринэ Геворгян: У меня очень конкретный вопрос. Любимая мною Исламская Республика Иран. Многие знают, что я иранист. В Ширазе есть завод, там микрочипы 8 нанометров производятся в промышленном масштабе. Есть ли какие-то намерения у Турецкой Республики в этом плане? Поскольку здесь зависимость, как вы понимаете, учитывая современные технологии, очень высока. Короткий ответ. Спасибо.

Владимир Аватков: Не знаю. Короткий ответ. Не следил за этим моментом. Не могу ответить.

Каринэ Геворгян: Спасибо вам огромное. Я бы хотела сейчас передать слово господину Васадзе. А дальше вот мы немножечко к экономике чуть-чуть пойдём. Прошу вас, Леван Шиоевич.

Леван Васадзе: Благодарю вас, Каринэ Александровна. Друзья, благодарю за приглашение. Каринэ Александровна попросила меня сделать некое резюме моего видения стабилизации Южного Кавказа и что для этого нужно. Я согласен с вами, что это вопросы, напрямую связанные с ситуацией на Ближнем Востоке. И для того чтобы за эти несколько минут представить вам свое видение, давайте сначала посмотрим, что мы унаследовали на Южном Кавказе и где мы находимся сегодня. Мы наследники тяжелейших последних 30 лет после развала Советского Союза и нескольких таких дымящихся, неурегулированных конфликтов между Арменией и Азербайджаном, внутри Грузии, как мы считаем, с нашими

сепаратистскими регионами. И все это ложится на доктрину глобалистов-англосаксов о противостоянии цивилизации суши, или Евразии, через поджигание как можно большего количества костров вокруг этой самой Евразии, частью которого является Южный Кавказ.

При этом у Запада, на мой взгляд, как это часто у них бывает, достаточно противоречивая повестка дня, потому что, с одной стороны, им нужен стабильный тоже вроде Южный Кавказ как важнейший коридор для экспорта или транзита энергоресурсов из Средней Азии и Каспийского региона. С другой стороны, они преследуют упомянутую мною цель, названную разными терминами. Это и Огненное кольцо Анаконды, и дестабилизация зоны Римленда против Хартленда, назовите как угодно. За последние 20 лет возник новый фактор, который доселе не существовал, – это интересы Китая, ибо концепция One Belt One Road, или «Один пояс, один путь» как альтернативный коридор экспорта китайских продуктов, уже не нефти и не энергоресурсов, а именно производимых Китаем товаров, на один из главных для Китая рынков, то бишь Западную Европу, тоже проходит, в том числе и через Кавказ. И появился еще один мощный мировой игрок, который вроде ратует за то, чтобы на Южном Кавказе все было стабильно. Вот это и есть наше наследство.

Добавим к этому неурегулированные вопросы, то что мы называем, территориальной целостности Грузии, и постфактум последней фазы напряжения или военного конфликта в Карабахе, где Азербайджан, как он это называет, восстановил свою территориальную целостность почти полностью, а как Армения это называет, хотя она уже признала территориальную целостность Азербайджана.

В этой палитре есть несколько зон нестабильности, которые я бы хотел обозначить и перейти к такому экспресс, очень короткому анализу, что можно противопоставить. Во-первых, никуда не делся армяно-азербайджанский конфликт. Мы видим дрифт или отклонение Армении как следствие последней фазы конфликта от России в сторону Запада. Мы видим возросшую активность Франции, ищущей, если хотите, компенсации своего международного реноме после потери своих позиций в Африке для того, чтобы сыграть какую-то новую глобальную роль за коллективный Запад на Южном Кавказе.

(00:50:25)

И это одна зона безусловных рисков. Вторая зона рисков на моей родине – дестабилизация тлеющих конфликтов внутри Грузии. Слава Богу, с началом СВО Грузия смогла доселе противостоять давлению Запада и не втянуться в дальнейшее обострение отношений с Россией. И, конечно, в этом смысле ей карты в руки. Хочется надеяться, что это хрупкое состояние будет выдержано, хотя очень тревожно, потому что давление на Грузию со стороны Запада растет из месяца в месяц, из года в год. В этом году у нас год выборов.

На мой взгляд, предложенный формат 3 плюс 3, в котором участвуют три южнокавказские страны – Россия, Турция и Иран, – является оптимальным прототипом или эмбрио стабилизации региона, если туда добавить еще двух игроков – коллективный Запад в лице кого-то и Китай. Наше видение, скажем так, консерваторов, традиционалистов Грузии будущего Кавказа – это кавказоцентричная Грузия и Грузия-центричный Южный Кавказ, внутри которого анонсируется то, что доселе было табуировано в Грузии, предложение о нейтралитете Грузии в обмен на ее реинтеграцию. И здесь сразу возникает вопрос доверия:

деньги утром – стулья вечером и так далее. И, конечно, коллективный Запад, особенно англо-саксонская часть Запада, будет резко против такого развития событий, потому что в этом раскладе нужда в Западе, как, в кавычках возьмем, «защитника интересов Южного Кавказа», резко сократится. Будем надеяться, что эта повестка дня обретет смысл в ближайшие годы или месяцы даже, и что нам удастся избежать дальнейшей дестабилизации, подавляющей Россию или регионы Кавказа. Благодарю вас за внимание.

Каринэ Геворгян: Спасибо большое, Леван Шаоевич. Скажите мне, пожалуйста, вот как это самое... Хотела сказать: вот я женщина простая, на карту смотрю и понимаю, что военная логистика вокруг региона Южного Кавказа для Запада чрезвычайно затруднена. Практически миновать Россию, Турцию и Иран невозможно. Я сейчас опускаю политические демарши армянского руководства. Насколько осознание этого, с вашей точки зрения, может привести к выбору парадигмы реал-политик во всех трех государствах?

Леван Васадзе: Во-первых, я полностью согласен с вами, Каринэ Александровна, и я думаю, что Запад это тоже прекрасно понимает, и вряд ли он будет действовать ванильно или топорно. Трудно сейчас представить, что даже в случае удавшегося, не приведи Господь, им обострения на Южном Кавказе, они смогут транспортировать или десантировать туда какие-то существенные военные контингенты и силы. Наипаче ситуация их полной беспомощности на Украине. Поэтому, скорее всего, их вектор действия будет проходить через попытку использовать турецко-азербайджанскую линию как вектор дестабилизации на Южном Кавказе. Отсюда, на мой взгляд, упомянутые Владимиром Алексеевичем возросшие активности между Турцией и Англией, Турцией и США.

Каринэ Геворгян: Простите, и через этот тандем, соответственно, используются экономические рычаги, я так понимаю, да?

Леван Васадзе: В том числе, маленькие экономики всех трех южно-кавказских стран. У Азербайджана побольше, но все-таки на международном масштаб эти все три экономики мелкие, они очень хрупкие и подвержены.

А возвращаясь к сути вашего вопроса, насколько это позволит всем трем игрокам Южного Кавказа играть в реал-политику, на мой взгляд, не беру сейчас говорить за всех трех, здесь можно сделать такой рейтинг. Мне кажется, в силу объективных причин Азербайджан молодец и все больше и больше демонстрирует способности проводить именно эту самую реал-политику. На втором месте я бы поставил на сегодняшний день Грузию, которая прошла все круги ада в 1990-х и в нулевых, и сейчас более заматерела с точки зрения общества и реальности или готовности к реал-политике. И, к сожалению, древние, мудрые и реалистичные армяне в моем рейтинге здесь на третьем месте, ибо вышло так. Я сам это по себе знаю, как трудно после этнического конфликта перекрывать эмоции и играть в реал-политику.

(00:56:42)

И, к сожалению, наша братская соседняя и любимая Армения сейчас поймана в этот капкан, и очень надеюсь, что она сможет оттуда выбраться. Благодарю вас.

Каринэ Геворгян: Спасибо. Спасибо большое. Ну, ладно, а то получится, что это фигура умолчания. Здесь есть объективные причины, потому что Армения в Советском Союзе, 60% населения были заняты в наукоемком оборонном производстве. Естественно, вся инфраструктура социальная и социокультурная была ориентирована на этих продвинутых, хорошо образованных людей. Разумеется, при распаде всех этих связей интеграционных внутри Советского Союза, вот этот отрицательный отбор, я ни в коем случае ничего плохого не хочу сказать об оставшихся, но это был объективный процесс. То есть определенным образом произошла невероятная социальная трансформация общества.

Что дальше? Ну, поскольку это довольно острая тема, и ей посвящается в последнее время в Москве, она распакована, и тема событий в Армении, тенденций, которые связаны с руководством Армении, в Москве стали активно обсуждаться, поэтому я решила сегодня, тем более, из гиперкорректорских соображений, на этом не останавливаться. Поэтому сейчас я передам слово Камилю Аскерханову, который коснется как раз особенностей экономического развития макрорегиона Южного Кавказа.

Камиль Аскерханов: Здравствуйте. Хочу поблагодарить в первую очередь организаторов форума за прекрасную организацию и способность мне выступить здесь с докладом.

Господин Васадзе на самом деле предвосхитил все мое вступление, мы практически едины в этом с ним, поэтому я продолжу, можно сказать, но буду говорить про Азербайджан и конкретно про экономику.

В экономической ситуации Азербайджана как лидера на Южном Кавказе происходит трансформация. Она трансформирует свою модель из нефтяной в неонефтяную. Это связано с завершением нефтяной эпохи, которая доминировала последние 30 лет. Причина этой трансформации объективно – это истощение месторождения нефти. Газовые доходы не компенсируют выпадающие доходы экспорта нефти.

Также понимаем, что мировая экономика находится в стадии кризиса, причем структурного кризиса. И выход из нее будет, скорее всего, разделение мира на макроэкономические зоны.

(01:00:00)

И, соответственно, тот, кто будет реально подготовлен к такому сюжету, тот и пройдет этот шторм.

Вот ту трансформацию, которую сегодняшний день проходит в Азербайджане, я хочу поделиться, что мы будем делать и что уже делаем. И, соответственно, это будет, наверное, все-таки интересно и другим странам, в том числе и регионам. Изменения экономической модели, безусловно, влияют на изменения приоритетов внешней политики в выборе партнеров и инвесторов. А также поиски рынков сбыта для той продукции, которую мы будем производить. Изменения также будут касаться и внутри страны. Например, на пике уже третьего нефтяного бума вот в этом нефтегазовом секторе было задействовано около 75 тысяч жителей, то есть населения. И это давало 93% экспорта всего Азербайджана. На сегодняшний день нам нужно заменить, вот эти 73 тысячи, нам надо вовлечь во все производство миллионы людей. Ну, грубо говоря, люди заменят ту самую нефть.

Очевидно, что экономическая модель следующая будет сочетать в себе промышленный, аграрный и сервисный компонент. В качестве примера сервисной составляющей модели будет выступать международная логистика. Север-юг, Срединный коридор и другие маршруты. Возможно развитие трубопроводного транспорта, например, дозагрузки бакинских НПЗ российской нефтью.

Азербайджанская экономика нуждается в инвесторах, которые могут предоставить не только технологии производства товаров, в том числе и аграрных, но и рынки сбыта. Это говорит о том, что страна активно ищет партнеров и готова к включению в цепочки создания добавленной стоимости.

В качестве специализации на развитие высокотехнологичной продукции с большой долей добавочной стоимости я могу предложить рассмотреть две модели, идеи. Первое – это участие стран-регионов в конструировании и создании гражданских самолетов. Вы понимаете, что проблема с гражданскими самолетами стоит остро. В том числе, вы видите, что происходит на сегодняшний день с «Боингом», а с сервисом «Эйрбаса» вообще краш. Нам всем нужен нормальный гражданский самолет. Я знаю, что Россия делает уже эти шаги, но, тем не менее, это как раз таки будет интересно всем странам.

Вторая часть – это фармакология. Нам нужно самим разрабатывать и самим производить. Интеграция всех стран и регионов будет очень привлекательна.

Естественно, бизнес-круги могут выступать со своими инициативами, которые будут рассмотрены и, возможно, приняты.

Изменение экономической модели, по сути, означает для Азербайджана уменьшение влияния глобализации. Особенно ее финансовая составляющая в пользу расширения и углубления региональных связей. Я имею в виду торговлю уже за местную валюту, то есть региональную. Переформатирование экономики уже сопровождается увеличением числа контактов на политическом уровне со странами-соседями, странами региона от России до Персидского залива и от Китая до Турции. Именно страны этого региона являются для Азербайджана приоритетными.

Если помнить о контексте событий, происходящих в странах указанного региона, мы можем прийти к выводу, что Азербайджан потенциально может столкнуться с санкционным давлением со стороны западных стран. И это уже на повестке дня стоит. Мы уже ощущаем давление под разными предлогами. Но целью всего этого является влияние на интеграционные процессы, которые ускоренно происходят в регионе. Мы, в свою очередь, отчетливо осознаем риски и пытаемся их избежать.

Ну вот, в принципе, уже заканчивается время. Высказанные мной мысли, краткий обзор, примерно носят ограниченный характер. Но я думаю, что я еще разовью. Но тем не менее. Я думаю, что Азербайджан сейчас представляет собой образец того, что народ и элита понимают текущие вызовы. Пройти через процесс трансформации экономической модели означает в не меньшей степени пройти путь изменения в социально-общественной жизни страны. Нам для успеха необходимо избежать рисков, быть вовлеченными в вооруженные

конфликты. То есть обеспечить стабильность и устойчивость, на фоне которых можно заниматься вопросами трансформации экономики и общества. Спасибо большое.

(01:05:11)

Каринэ Геворгян: Спасибо, Камиль. У меня жесткий вопрос. Учитывая развивавшиеся и тесные взаимоотношения, по крайней мере, политические с Турецкой Республикой, насколько дрейф Турецкой Республики в сторону западных союзников по НАТО и США, и Великобритании в основном, может отразиться в этом плане и на Азербайджане? То есть, иными словами, на те экономические составляющие, о которых вы рассказали, окажет влияние политическое, которое, как всегда... Я прошу прощения, но по стихотворению Пушкина: «Все куплю», — сказало злато; «Все возьму», — сказал булат. Когда будет качаться между златом и булатом, удастся ли при нынешнем состоянии экономики, как вы сказали, нуждаемости в инвестициях, удастся ли вырулить, все-таки выскочить, прямо скажем, и не делать такой выбор?

Камиль Аскерханов: Ну, я думаю, что выбора особо не будет, и он, как бы, уже, на самом деле, состоялся в пользу регионального сотрудничества, а то, что Турция может выбрать страны Запада и уже идет в том направлении, это будет означать только, что у нас будут охлаждаться с ней связи. Выбор сделан, как я и объяснил, в пользу регионального. На самом деле, на сегодняшний день Россия является практически одним из главных инвесторов сейчас в Азербайджан. Следующим вроде бы должен выступить Китай. Но, в любом случае, региональная интеграция, она будет превалировать над всем. То есть связи старые еще сохранились, память осталась. У нас есть понимание, что мир поделится все равно на регионы. То есть мы исходим из этого. То есть, понятно, будут межрегиональные вот эти большие связи, но основная часть будет здесь.

Каринэ Геворгян: Спасибо большое, Камиль. Я передаю слово Айману, прошу вас. У вас единственного презентация. И честно говоря, почему вот такой десерт, потому что искусственный интеллект. Представьтесь, пожалуйста.

Айман Ас-Сейед: Спасибо, организаторы. Я не в бизнес-политике. Политика дает головную боль большую. Я делаю продукты, которые развивают экономику. Когда у нас развивается экономика, у людей есть деньги в кармане, все рады, жизнь становится лучше.

Сегодня будем говорить о маленькой стране – Ливане.

Каринэ Геворгян: Меньше Израиля.

Айман Ас-Сейед: Да, около Израиля, Кипр.

Каринэ Геворгян: В смысле по территории меньше, чем Израиль.

Айман Ас-Сейед: Да, плюс-минус, да. Я сейчас буду говорить о новом экономическом видении Ливана. В 2019 году экономическая модель Ливана рухнула и началась девальвация, люди поняли, что у центрального банка нет денег и все остальное. Банки и банковый сектор тоже рухнул после этого. И после того как он рухнул, бизнес утратил доступ к финансированию, и в результате получилось то, что полностью экономический цикл прекратил существование. Поэтому произошел экономический крах, люди вышли на

улицы, я был среди них и я был одним из организаторов этих митингов. И мы пытались найти выход из этого экономического положения, не для того чтобы уничтожить политический режим, а для того чтобы внести какие-то изменения. Мы хотели ее обновить, создать более совершенную систему.

И почему в 2019 году произошел крах Ливана? Прежде всего это была коррупция, всепоглощающая коррупция, с самого высшего до самого низшего уровней. У нас был систематический недостаток бухучета.

(01:10:11)

Представьте государство у которого не было запланированного бюджета. Наш Министр иностранных дел хвастался на форуме в Давосе «Мы вам покажем, продемонстрируем, как можно управлять страной без всякого бюджета». Представьте себе, вы не можете управлять даже маленьким магазином без бюджета, представьте себе такой разговор на правительственном уровне. То есть были такие заявления. У нас в стране было ограниченное обеспечение прав собственности с выборочным соблюдением верховенства закона. Никакого стратегического планирования, никто не знал, куда идет страна, где мы будем через 5-10 лет. Если бы вы спрашивали ЦБ, сколько у нас денег как у государства, они бы написали ответ на салфетке.

Потом у нас полностью рухнул центральный банк, и это привело к разрушению экономики. Поэтому возникла, так сказать, развилка. Или нам нужно было вернуться к прошлой системе, к системе бартера, то есть это когда менять, скажем, яйца на молоко, или мы перейдем к какому-то следующему этапу.

И как это все выглядело? Какое решение можно было найти? Мы тогда говорили о децентрализации финансовой системы, которая базировалась на больших данных и на прозрачной системе бухгалтерского учета, и все это было, усилено системой, основанной на искусственном интеллекте. Это была новая система, которая достаточно гибкая и которую можно было контролировать не только посредством человеческого фактора, не только полицией, правительством и так далее, но, в том числе, и специальными кодами. И мы начали думать о том, как это все можно было бы применить. И как можно было создать систему, которая была бы проста в использовании. И мы начали создавать новую экономику, которая будет основана на искусственном интеллекте и больших данных. Любая экономика, любой человек может быть создателем, творцом. Мы в данном случае говорим о системе, которой просто пользоваться, которая легкодоступна и которая может быть доступна для любого человека, независимо от того, вы богаты или бедны, у вас хорошее образование или слабое. То есть любой человек может в этом участвовать. И поскольку любой человек может участвовать, мы в таком случае говорили о конкурентоспособной системе, прозрачной системе, где все транзакции происходят достаточно прозрачно. Система, где права собственности не навязываются какими-то хард кодами, они всегда отслеживаемы, и можно все до конца отслеживать.

Таким образом, если мы создадим такую систему, каковы достоинства такой системы? Мы даем в таком случае им хорошие инструменты для того, чтобы можно было повысить экономическую деятельность. В том числе мы говорим об интеграции, то есть

взаимодействии между государствами. Мы говорим об улучшении налогообложения, где правительство может отслеживать деньги, которые тратит или которые тратит население в реальном времени, а не в каком-то другом. То есть все вот эти налоговые вопросы можно было легко обслуживать, и вот эта отслеживаемость любой транзакции тоже имела большое значение, никаких нарушений закона не было. В том числе, это участие в принятии решений. Это могли быть лица, которые представляли собой общество, и практически любой человек мог работать из любого места.

Я не хочу очень сильно углубляться в эти подробности, но на самом деле мы построили технологию, это был искусственный интеллект. Это изменило нашу организационную структуру и, в том числе, систему правления. Поэтому мы предлагаем, чтобы вы могли присоединиться к нам и предлагаем вам участвовать в этом путешествии.

Что можно сделать для того, чтобы можно было улучшить жизнь людей? Мы начали с глобального юга, поэтому большое спасибо. Я сейчас заметил, что я не показывал вам презентацию, но, с другой стороны, мне показалось, что я все, что хотел, вам рассказал.

(01:15:09)

Каринэ Геворгян: Вопросов, как я понимаю, нам никаких не передали, но что бы мне хотелось отметить. Во-первых, я очень благодарна всем докладчикам, они просили, те, которые покинули сцену, извинения у вас у всех и у меня. Это вопрос занятости. Надеюсь, вас это никак не задело.

Теперь мое соображение. Пояс и путь. Китай как практически ведущая мировая экономическая держава. С этого поля, с моей точки зрения, я начинаю это понимать, особенно выслушав сегодняшние доклады, я утвердилась в этом мнении. С этого поля, я не говорю уйдет, но несколько присутствия Китая будет минимизироваться. Возрастает присутствие Российской Федерации и Индии. Мне так представляется, Индия пока великая страна, она как бы не заявляет ни о каких проектах, с одной стороны, с другой стороны, явно совершенно начала переходить к более наступательным формам взаимодействия со странами макрорегионов, включая, кстати, Южный Кавказ. Явно совершенно. И думаю, что это движение будет наступательным.

А учитывая то, что Андрей Борисович Кобяков делал интереснейший доклад, на котором, когда он читал, я присутствовала, и он показывал динамику роста экономики Индии к 2032 году и показал, почему и на основании чего Индия опередит КНР, которая тоже никуда не двинется, это понятно, но тем не менее роль Индии в регионе возрастет.

Второе. Об энергогенерации региона. Это очень любопытно, потому что давайте посмотрим, где атомная энергетика России, а Россия с отрывом опережает все западные страны, включая Францию, в этом плане. Это Иран, это Турция, это Египет, по крайней мере. Может быть, я не удивлюсь, если сейчас обсуждаются вопросы о создании соответствующих атомных энергогенераций, станций и в других странах региона, включая Ирак и Сирию.

Здесь могут быть применены очень гибкие технологии, не обязательно ставить огромные объекты, вы это знаете. Кроме всего прочего, это как бы состыкуется с тем, о чем

RUS - 03 апреля 2024 - 12-27-23 .1

рассказывали вы, потому что для технологии такого плана нужны довольно серьезные энергогенерации без ущерба для экологии. Тем более что Ливан – совершенно райская страна. Я когда-то ее посещала. На меня произвело такое впечатление, что я поняла, что вот это и есть рай. Так выглядит Ливан.

Вот такие мои примечания. Я надеюсь, мы уложились во времени. Вопросов нет. Я хочу поблагодарить вас за внимание. Спасибо большое. Спасибо участникам.

(01:19:10) (Конец записи.)